

# ОБЩЕСТВЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ БУРУНДИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ\*

**ДЭВИД РОУСОН**

Посол Соединенных Штатов Америки  
в отставке

В ПАМЯТЬ О МИРОТВОРЦЕ, ПОСЛЕ США В БУРУНДИ  
В 1986-1990 ГГ. ДЖЕЙМСЕ ДЭНИЕЛЕ ФИЛИПСЕ

В июле 1966 г. я обедал в своей квартире в Бужумбуре, когда в дневных новостях было объявлено, что король (*мвами* - на яз. кирунди) Мвамбутса свергнут и власть в Бурунди перешла к его сыну, наследному принцу Шарлю Ндизийе. При этом говорилось, что прежняя конституция отменяется и в стране устанавливается новый порядок. На деле это означало введение автократического, а затем и военного правления, которое очень скоро стало носить хищнический и репрессивный характер. В стране началась этническая чистка, а затем и настоящий геноцид, что привело в конечном счете к гражданской войне<sup>1</sup>.

В ту пору я находился в Бурунди в научной командировке. Темой моего научного исследования была связь и взаимоотношения между традиционной религией и политической практикой в Руанде и Бурунди. С приходом к власти принца Шарля в стране был установлен жесткий контроль за любыми контактами с иностранцами, резко ограничивший мои возможности разобраться в том, каким видят ее жители окружающий их мир, как это видение проявляется в общественной жизни Бурунди и каким образом оно влияет на их нравственность и национальный характер. Правда, очень скоро чисто те-

оретические изыскания в области африканской политики уступили место реальной практике, поскольку я поступил на дипломатическую службу.

43 года спустя, я снова задаю себе тот же самый вопрос: есть ли в представлениях бурундийцев о мире какие-то особые, им одним присущие особенности, которые оказывают определяющее влияние на действия их лидеров и поведение рядовых граждан? Что бы понять это, сначала надо ответить на три других взаимосвязанных вопроса. Можно ли считать их политическое поведение просто отражением той напряженности, которая царит во многих странах третьего мира, или в нем проявляется их уникальное своеобразие? Позволяют ли политические реалии Бурунди сделать какой-либо обобщающий вывод, или вызванные войной хаос и анархия делают невозможным получить какое бы то ни было общее представление о том, какой же все-таки является политическая жизнь Бурунди и какими нравственными нормами она регулируется? И, наконец, третий - смогут ли ответы на первые два вопроса помочь Соединенным Штатам определиться с тем, какой должна быть их политика в отношении данной страны?

## ГЕОГРАФИЯ

Предположив, что мы сможем выявить определенные закономерности в политической жизни Бурунди, рассмотрим географическое положение страны. Когда

мы говорим «страна Бурунди», мы подразумеваем то пространство, на котором проживают бурундийцы<sup>3</sup>. Исторически - это расположенная на холмах страна, географической осью которой является линия между городами Мурамвья и Гитега. С одной стороны расположено плато Имбо, с другой - город Усумбура (прежнее название столицы Бужумбура). Напряженные отношения между жителями горного плато и столицы всегда были неотъемлемой частью политической жизни Бурунди. Какое-то время конфликтной территорией оставалась лишь сама столица и ее окрестности. Однако позднее, с началом гражданской войны, насилие распространилось и на горные районы. Наиболее ожесточенные столкновения, происходившие в 1972 и 1988 гг., стали своего рода переломными моментами, в корне изменившими политическую культуру страны.

Год за годом многонациональная столица постепенно превращалась в геополитический центр притяжения. Лучшие возможности в сфере экономики, политическая притягательность, личные связи и космополитический образ жизни (работы сенегальских кузнецов по золоту, конголезские алмазные контрабандисты, руандийские беженцы и международные бюрократы) - все это создавало особую атмосферу, конкурировать с которой сельская местность была не в состоянии. Тем не менее, стоило бурундийцу сказать *иваку* - «это наше место», становилось ясно, что страной

\* Выступление Д.Роусона на посольском семинаре по Бурунди, организованном Бюро разведки и исследований Госдепартамента США и Национальным советом США по разведке. Публикуется с незначительными сокращениями.

Бурунди все-таки является прежде всего та часть ее территории, которая расположена на холмах<sup>4</sup>.

Можно ли осуществлять политику развития страны, руководствуясь велением сердца? Могут ли программы развития сельской местности быть эффективными и способствовать реальному повышению жизненного уровня деревни? Или, быть может, инвесторы и правительство должны прилагать свои усилия главным образом на удовлетворение растущих потребностей столицы? После долгих лет гражданской войны, разорившей многие сельские районы, руководство страны стало, наконец, вкладывать деньги в начальное образование и строительство сельских больниц. Эти программы призваны помочь преодолеть пропасть, возникшую между городом и деревней. Президент Нкурунзиза немало времени проводит разъезжая по провинциям. Многие жители столицы полагают, что делает он это напрасно и ничего хорошего из этого не выйдет. Конечно, это свидетельствует о том, что раскол Бурунди на столицу и село все еще не преодолен.

## РЕЛИГИЯ

Бурундийцы - народ глубоко верующий. Остается, правда, неясным, какие именно верования играют решающую роль в принятии лидерами политических решений и в поведении граждан: вера в Божественного Создателя - *Имана* (на яз. кирунди) или же поклонение духам предков<sup>5</sup>. Между прочим, католический архиепископ Бужумбуры в разгар геноцида 1972 г. заявил: «Нельзя сделать яичницу, не разбив при этом яиц». А в 1993 г. старшеклассники-протестанты, ученики христианской средней школы в г. Кибимба и *хуту*\* по национальности, под впечатлением от убийства президента Ндадайе (*хуту* - прим.ред.) заперли своих одноклассников - *тутси* на авто-

заправке и подожгли ее. Подобное отношение к человеческой жизни и такие поступки трудно совместить с искренней верой.

Но есть и другие примеры, когда верующие католики и протестанты во время гражданской войны совместно выступали против насилия на этнической почве, мужественно призывая к всепрощению и примирению. Больше того, именно вера в Бога, понимание необходимости взаимного покаяния, любовь к ближнему являются характерной нравственной чертой народа Бурунди, служат той моральной основой, которая позволяет неправительственным христианским организациям продолжать свою работу, помогая залечивать нанесенные войной раны и добиваться всеобщего примирения<sup>6</sup>. Если говорить о сельской местности, там наибольших успехов в этом деле добились школы, больницы и клиники, детские приюты и центры по оказанию социальной помощи, созданные ими и действующие под их руководством. Нынешняя администрация стала активнее поддерживать общественную деятельность, осуществляемую в рамках старых традиций.

Иначе и быть не могло, потому что колыбелью основной движущей силой бурундийского общества является религия, любые попытки влиять на положение в стране без учета данного обстоятельства обречены на провал.

## СОЦИАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

Бурундийское общество является обществом традиционного типа. Если вы спросите бурундийца, кто он такой, то, отвечая на ваш вопрос, он расскажет свою родословную, назовет место жительства, опишет свое социальное положение или профессию. В предколониальный и колониальный периоды, когда в стране возникли христианские миссии, бурундийцы идентифицировали себя также с той церковью, в которой они молились, или той церковной школой, в которой они учились: католической, англиканской, методистской, баптист-

ской. В сельской местности принадлежность к одной из этих церквей указывала на тот населенный пункт, в котором данная церковь начала свою миссионерскую деятельность. Уже в наши дни американский африканист Лемарчанд убедительно показал, как в постколониальный период борьба за власть настолько политизировала понятие социальной принадлежности, что главным определяющим его фактором стало этническое происхождение: ты или хуту, или тутси<sup>7</sup>.

Имелись другие, менее значимые признаки, по которым определялась социальная принадлежность. Так, во многих районах страны весьма влиятельным было культовое вероисповедание *Киранга-Рьянгомбе* (Kiranga-Ryangombe), однако конкретные проявления этого влияния носили ограниченный и довольно демократический характер. Выразилось это, например, в том, что жрецы, игравшие во время спиритических сеансов заглавные роли, хотя и обладали определенным авторитетом, их влияние ограничивалось пределами собственной общины<sup>8</sup>. Таким же было влияние традиционных целителей и предсказателей. С появлением религиозных миссий, больниц и школ огромным влиянием стали пользоваться церковные лидеры, местные врачи и учителя. Браки среди этих членов местных элит еще больше усложняют задачу определения «кто есть кто».

В наши дни известностью пользуются также и политические деятели - как лидеры партий, так и депутаты местных и общенациональных органов власти. Некоторые бурундийцы утверждают, что категории «*хуту*» и «*тутси*» больше не могут служить указателями на социальную принадлежность, что главным признаком является характер вашей профессиональной деятельности, ваша принадлежность к тому или иному политическому спектру, ваше место в политической жизни. Те, кто так говорит, выдает желаемое за действительное. Ко всяким заявлениям типа - «мы выше этого, теперь это уже не актуально, давайте поговорим

\* В Бурунди (как и в соседней Руанде), население которого составляет около 6 млн человек, проживают две основные народности - *тутси* (ок. 14%), *хуту* (ок. 84%) - прим. ред.

о чем-нибудь еще» - надо относиться с известной долей скептицизма.

Во-первых, хотя важнейшими показателями социальной принадлежности как хуту, так и тутси, конечно же, являются их место в политической системе, доступ к власти, а также их экономическое положение, в то же время эта принадлежность в значительной степени определяется их этническим происхождением. Большинство бурундийцев прекрасно знают, кто они такие и какое место они могут занимать в обществе, если только не будут скрывать свою родословную.

Во-вторых, четыре десятилетия политической борьбы и гражданской войны крайне политизировали фактор этнической принадлежности, сделали его еще более важным и определяющим, чем он был до этого. Каждый знает, кто убил его родственников и к какой этнической группе принадлежат убийцы. Больше того, в любом социальном контексте вольно или невольно обязательно фигурируют отношения по принципу «свои» и «чужие». Преодолеваются такого рода отношения крайне медленно.

Даже в городах, в этих пламенных котлах, где всё, казалось бы, должно перемешиваться, и люди обретают возможность самостоятельно решать, с кем им дружить и общаться, в какой школе должны учиться их дети и где им жить, даже там люди не полностью свободны в своем выборе. За закрытыми дверями страх и ненависть все еще в значительной степени определяются принадлежностью к той или иной этнической группе. Различия и непохожесть пустили глубокие корни в Бурунди.

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

Традиционно Бурунди была монархией, в которой принцы королевской крови - *Ганва*, выступая в качестве представителей администрации регионов, способствовали общенациональному единению племен. Сами же племенные вожди и советы старейшин

(*abashingantahe*) были властью на местах, управляя деревнями и их жителями. В 1960 г. эти органы местной власти были распущены, а в 1966 г. в результате военного переворота была свергнута монархия,

Формально сохранился только один прежний институт, хотя и в реструктурированном виде, - это совет старейшин, причем его статус стал весьма неопределенным. Деспотичное правление военных, несоблюдение конституции и, наконец, гражданская война полностью изменили политический климат и структуру власти в стране. Возникает вопрос: что же все-таки сохранилось от традиционного политического этоса\*?

Во-первых, национальная идентичность, определяемая как *Barundi*, которая символизировала единство всех регионов страны. Как *хуту*, так и *тутси* вместе и на равных отмечали традиционные национальные праздники. Такой же общенациональный характер носили мероприятия по случаю возведения на престол короля - *мвами* или его смерти<sup>9</sup>. В горных районах *хуту* и *тутси* вместе встречают праздник первого урожая фруктов.

Проходившие в Аруше (Танзания) длительные переговоры по политическим вопросам носили типично бурундийский характер: все заинтересованные стороны вовремя добрались до места встречи, сами переговоры продолжались так долго, что, казалось, никогда не закончатся, но, в конце концов, все обо всем договорились.

Политическая власть в стране носит многоуровневый характер, причем по своему этническому и социальному составу влиятельные правящие элиты во многом повторяют контуры старой политической топографии Бурунди<sup>10</sup>. Что же касается переговоров в Аруше, то немалые трудности были вызваны тем внешним давлением, которое постоянно испытывали на себе их участники. Желая добиться примирения, посредник на этих переговорах

предложил такую структуру властных институтов, при которой все стороны обладали бы равными возможностями влиять на различные процессы, поскольку только в этом случае было возможно возродить в стране настоящую политическую жизнь. При этом все эти институты, кроме совета горных старейшин, не имели ничего общего со старыми традициями Бурунди.

Принятая в 2005 г. конституция, послужившая юридической основой достигнутых в Аруше соглашений, заменила сложную систему традиционных органов власти. Вместо прежних институтов - горные советы старейшин, вожди племен, принцы Ганвы, король - были созданы новые конкурирующие между собой политические органы власти, появились бюрократия и многопартийное правительство. Можно ли считать лидеров политических партий новыми принцами Ганва? Конечно, и в наши дни распределение выгодных должностей в госаппарате, злоупотребление своим служебным положением в целях личного обогащения - все это и многое другое осуществляется в полном соответствии с прежними политическими традициями, патримониализм\*\* действует в республике точно так же, как он действовал во времена монархии<sup>11</sup>.

Что же представляют собой действующие сегодня правила политической игры и в каком направлении развивается политическая система страны? Возрождение совета старейшин позволило жителям горных районов ощутить себя участниками политической жизни, вернуло им то, чего они были лишены в течение всего колониального периода. Но при этом возник такой вопрос: могут ли советы старейшин реально решать проблемы местных общин, улаживать мирным путем споры с соседями или распределять земельные участки? Способны ли

\* Этос - в древнегреческой философии: совокупность стабильных черт индивидуального характера (*прим. ред.*).

\*\* Патримониализм - форма традиционного политического господства одного владельца, при которой в отличие от патриархального господства глава государства обладает большей свободой действий и в меньшей степени ограничен традицией (*прим. ред.*).

они выполнять роль *гахузамирьянго* - посредника<sup>12</sup>. Или эти функции теперь придется взять на себя неправительственным организациям, находящимся за пределами страны?

Наконец, неясно, должны ли решения, принимаемые на местном уровне, утверждаться вышестоящими властями? Такие, например, как распределение ресурсов или урегулирование спорных вопросов. По традиции такие решения всегда сопровождались криками: «*Бибгире Мвамбутса!*» - «Скажите об этом Мвамбутсе!». *Мвами* Мвамбутса, как и его предшественники, вместе со своим двором разъезжал по всей стране, выслушивая споры и вынося окончательные вердикты. Способен ли нынешний президент Нкурунзиза выполнять данную роль? Если он станет подтверждать властные полномочия местных лидеров, будет ли это способствовать усилению его собственной власти? Или напротив, постоянное отсутствие в столице и тем самым ограниченные возможности выполнять свои общегосударственные задачи уменьшат его политическое влияние?

## НАСЕЛЕНИЕ

Когда мы пытаемся определить, что же представляют собой бурундийцы и каких зигзагов можно ожидать в политической жизни страны, следует учитывать, прежде всего, следующие два фактора. Первый - это возрастной состав населения. В 2005 г. более половины его составляла молодежь в возрасте до 25 лет. В целом большинство граждан родились уже после получения страной в 1960 г. независимости. Студенты высших учебных заведений имеют лишь смутное представление о тех вспышках насилия, которые происходили в свое время в различных районах Бурунди. В основном их знание истории сводится к тому, что они слышали в своем доме. События 1965, 1972, 1988 гг. и даже сравнительно недавние пертурбации 1993 г. - все это хотя воспринимается ими как травма, но не лич-

ная, а как бы переданная по наследству. Действующая законодательная система может приглушить трагические воспоминания, смягчить такую еще совсем недавно острую ненависть и способствовать всеобщему примирению.

Конечно, молодое поколение хочет знать прошлое своей страны. Поскольку слишком у многих руки в крови, правительство целых пять лет тянуло с введением института ответственности за совершенные в период гражданской войны преступления. Историю надо знать, потому что без этого трудно предсказать, куда пойдет страна, когда к власти придет новое поколение.

## БЕДНОСТЬ

Серьезных трудов по истории Бурунди не существует, так же как и нет единого мнения о том, кто и за что должен нести ответственность за прошлые кровопролития. В то же время в стране сильны традиции. Даже сам язык, на котором говорят дома и который преподают в школе, передает знания о «древних обычаях и правилах жизни». Поэзия, пословицы и поговорки, музыка - все это рассказывает о прошлом страны и ее народа.

Бурундийское общество крайне консервативно. Важнейшую роль в жизни бурундийцев играет институт семьи и брака. Материальное положение невесты, ее приданое, пусть даже чисто символическое, помогает девушке обрести семью, а свадьба всегда является в настоящий праздник с обилием угощений и напитков.

Родители всегда передают своим детям хоть какое-нибудь наследство. Те, кто могут это себе позволить, стараются дать детям хорошее образование и помогают найти работу. Но большинству бурундийцев учеба не по карману и красноречивые свидетельства такого положения вы найдете в исследовании профессора Увина<sup>13</sup>. В нем приводятся данные о том, что в наши дни чаще всего вместо замужества процветает обычное сожительство, а образование большинство бурун-

дийцев получают на улице. Лишь бы выжить. Чудовищная пропасть разделяет состоятельных городских жителей - как тутси, так и хуту - и бедняков, независимо от их этнической принадлежности и места проживания. В книге Пола Колбера дается красочное описание тех жутких условий, в которых живет большинство населения<sup>14</sup>. Только целеустремленное, современно мыслящее правительство могло бы помочь людям преодолеть барьер нищеты, но вряд ли страна когда-либо обретет такое правительство. Скорее всего, эта пропасть будет расти, а страна становится все беднее.

## ИНТЕРЕСЫ США

Что за дело Соединенным Штатам до этой маленькой страны, о которой один американский посол в Бурунди любил говорить так: «Она никогда не появится на экранах американских радаров». События в Руанде 1994-1995 гг. привлекли внимание мирового сообщества и к соседней Бурунди. Ответственность за содеянное и попытки примирения - вот те главные цели, которые стояли тогда на повестке дня<sup>15</sup>. И отделить одно от другого, на мой взгляд, было невозможно. Однако карательные меры сильно затрудняли примирение.

Другая задача заключалась в том, чтобы восстановить у различных этнических групп взаимное доверие, что было нелегким делом, поскольку начиная с 1965 г. люди разных племен постоянно обвиняли друг друга во всех мыслимых и немыслимых грехах<sup>16</sup>. В этом направлении были предприняты невероятные усилия, которые весьма неожиданно дали положительный эффект. Однако новым властям и особенно силам безопасности предстоит сделать еще немало. После многих лет антагонизма нелегко возродить как чувство уважения к своим собратьям, так и ощущение принадлежности к единой нации.

В планах руководства на 1995 г. предусматривалась широкая поддержка неправитель-

венных организаций - международных, действующих на территории страны, и местных, национальных. Такая поддержка должна оказываться и в дальнейшем с опорой на глубоко укоренившиеся общинные традиции, корни которых лежат в культе *Киранга*, в современных религиях, исповедуемых в горных районах. Именно НПО сыграли ведущую роль в том, чтобы отвести страну от края того обрыва, к которому она подошла в результате гражданской войны. И сегодня они продолжают способствовать общественному примирению.

Как в 1995 г., так и сегодня актуальной остается задача защиты прав человека. Если гражданское общество готово подключиться к этой работе, то правительство пока еще не осознало до конца всю важность этой задачи. И дело не в том, что бурундийцы не ценят человеческое достоинство. Просто для жителей сельских районов главное не индивидуальные, не личные, а семейные ценности.

После создания в 1995 г. Контактной группы важной составной частью политики США стало сотрудничество с Африканским Союзом, ООН и обеими сторонами этнического конфликта с тем, чтобы обеспечить эффективную роль

международного сообщества в Бурунди<sup>17</sup>. После взрыва насилия и этнических погромов, вспыхнувших в 1998 г. в Нгози, в охваченные конфликтом зоны были направлены международные наблюдатели, выполнявшие роль свидетелей и сдерживающей силы. Их присутствие было частью стратегии, направленной на установление мира. Разработанная американским послом Дэном Филиппсом, она получила название «примирение по-бурундийски».

В течение всего последнего десятилетия эффективность этого присутствия постоянно возрастала. Казалось бы, такая политика противоречит здравому смыслу. Бурундийцы всегда довольно гостеприимно встречали приезжавших в их страну отдельных иностранцев. В то же время они, как правило, враждебно относились к непрошеным гостям, если те прибывали сразу группами. Так, местные племена держали в постоянном страхе арабских торговцев рабами, безжалостно убивали первых христианских миссионеров, не жаловали, мягко говоря, германских и бельгийских колонизаторов, в течение многих лет всячески ограничивали деятельность международной общины в Бужумбуре<sup>18</sup>.

Мучения и страдания периода гражданской войны заставили их сменить гнев на милость и открыть страну для международных наблюдателей, вместе с которыми в страну пришли разумные советы и реальная помощь. И, тем не менее, международному сообществу следует настойчиво продолжать оказывать давление, координируя при этом свои усилия.

Политика современной Бурунди всегда была непредсказуемой и кровавой. В результате авторитарической системы управления, геноцида и, наконец, гражданской войны традиционная модель управления, важным элементом которой всегда были народные традиции, оказалась вытесненной. Однако в наши дни бурундийцы снова демонстрируют готовность хотя бы частично вернуться к прежним методам управления, в основе которых лежит старинный общинный принцип.

Сейчас в стране наступил, наконец, мир. Он поистине бесценен. Дай Бог, чтобы он стал вечным и даровал, в конечном счете, жителям страны спокойную и счастливую жизнь.

Перевел с английского  
А.В. ДЕНИСОВ

<sup>1</sup> Объявление было сделано на хорошем французском языке. В конце дня к гражданам на языке *кирунди* обратился наследный принц, который был не так щепетил в выборе выражений. Получивший образование в Европе и почти ничего не знающий о стране и ее народе, он объявил себя правителем древней африканской монархии.

<sup>2</sup> Этот же вопрос можно сформулировать иначе, используя выражение Макса Вебера, который говорил, что есть все основания утверждать, что «характер человека формируется теми экономическими и социальными условиями, в которых он существует». Цит по: Weber Max. The Nation State and Economic Policy - in: Political Writings (ed. Peter Lassman and Ronald Spiers). Cambridge: Cambridge University Press, 1994, p. 15.

<sup>3</sup> Социально-политическому значению этого названия посвящен труд Августина Нсанзе. См.: Nsanze Augustin. Le Burundi ancien, l'economie de pouvoir de 1875 a 1920, Paris: Editions L'Harmattan, 2001. P. 24-26.

<sup>4</sup> Помимо понятий «нация» и «дом» существует термин «*igihugu*», или «страна», имеющий довольно расширенное и неопределенное значение. Это может быть «малая родина», и родная провинция или сама «*igihugu*». Ibid. P. 15-24.

<sup>5</sup> Zaire Bernard. L'ame du Murundi, Paris: Gabriel Beauchesne et ses Fils, 1932, especially "Epilogue"; Pauwels R.P.M. Imana et les cultes des manes au Rwanda. Bruxelles: Academie royale des sciences coloniales, 1958.

<sup>6</sup> О мужестве, проявленном членами НПО, см.: Bukuru Zacharie. Les quarante martyrs de Buta. Paris: Karthala, 2004, Niyonzima David and Fendall Lon. Unlocking Horns. Newberg, OR: Barclay Press. О роли, которую сыграли НПО во время гражданской войны, см.: Watt Nigel. Burundi: Biography of a Small African Country. New York: Columbia University Press.

<sup>7</sup> См. гл. 4-5 в: Lemarchand Rene. Burundi: Ethnocide as Discourse and Practice. New York: Woodrow Wilson Center Press, 1994.

<sup>8</sup> См.: Berger Iris. Religion and Resistance: East African Kingdoms in the Pre-colonial Period. Tervuren: Musee Royal de l'Afrique Centrale, Annales, 1981, No.105, especially Chapters V and VI; and Rodegem F.M. La motivation du culte initiatique au Burundi. Anthropos, 1971. Vol. 66.

<sup>9</sup> Chretien Jean-Pierre. L'Afrique des Grand Lacs. Paris: Aubier, 2000, p. 108-109; Trouwborst Albert A. Le Burundi - in: Les anciens royaumes de la zone interlacustre meridionale: Rwanda, Burundi, Buha. Tervuren: Musee Royale de l'Afrique Centrale, 1962. P. 144-145; Nsanze A. Op. cit. P. 152-158.

<sup>10</sup> Trouwborst Albert A. Op.cit., p. 143-153.

<sup>11</sup> О роли патримониализма в африканской политике см.: Patrick Chabal and Daloz Jean-Pascal. Africa Works: Disorder as Political Instrument. Bloomington: Indiana University Press, 1999.

<sup>12</sup> Niyonzima David and Fendall Lon. Op. cit. P. 29.

<sup>13</sup> Uvin Peter. Life after Violence: A People's Story of Burundi. London: International African Institute, 2009.

<sup>14</sup> Collier Paul. The Bottom Billion. New York: Oxford University Press, 2007. Part 2.

<sup>15</sup> См.: Burundi's Commission of Inquiry Resolution. State 187050, 5 August 95.

<sup>16</sup> См.: Ad Hoc Meeting at NSC regarding Rwanda and Burundi, White House, August 22, 1995.

<sup>17</sup> «Контактная группа» была создана постольку, поскольку африканские страны решили, что Бурунди самостоятельно, без международного участия неспособна осуществить радикальные политические, военные и социальные реформы.

<sup>18</sup> См.: Perraudin Jean. Naissance d'une eglise: histoire du Burundi. Bujumbura: Les Presses Lavigerie, 1963.